

Владислав Галкин

бы иметь обо всем представление. Если ты лажаешь в кадре, это всегда видно. Для меня самым страшным всегда было чего-то не понимать, не знать и не уметь. Потому что в таких случаях чувствую себя очень неуверенно. Иногда надо отгородиться от окружающего мира, дать себе паузу и просто почувствовать героя. Так или иначе, это всегда собирательный момент. В процессе жизни надо вбирать в себя все. Никогда не знаешь, что и когда пригодится. Я много чего умею: строить, готовить и даже шить.

— Вы общались с реальными людьми, прежде чем сыграть ту или иную роль?

— Конечно, у меня много знакомых, в том числе и спецназовцев. Например, у моего героя Якута есть не то чтобы прототип, но человек, который на него сильно похож. Это один мой близкий товарищ Сергей. Служит в одном из самых серьезных спецподразделений мира. Но когда я играю, я ориентируюсь сразу на многое, а не на кого-то одного. В персонаже очень важна грамотность поведения. Не должно быть ни единого повода не доверять ему. В первую очередь здесь играют глаза. Но помимо этого есть еще движение, умение правильно держать оружие. Все, что есть вокруг тебя внутри кадра, — это твое продолжение. Глядя на тебя в образе, зритель должен быть уверен, что именно таким твой герой и является. Спецназовцы, кстати, тоже забирают пространство, сливаясь с землей, водой, небом. Я видел, как люди работают. Даже страшно немного. Я вообще во всем люблю профес-

сионалов, а дилетантов ненавижу.

Африканские звезды

— Вы были в Сахаре. Что вы там делали?

— Практически месяц мы шуровали пешком по Сахаре. Была такая международная акция «Спецназ выживает в пустыне». А я поехал снимать это как оператор. Если они проходили 20 км в день по 70-градусной жаре, то я проходил километров 40, потому что постоянно приходилось бегать вокруг них с камерой. Тогда я похудел где-то на 25 кг. Это было не только физическое испытание. Очень тяжело понимать, что вокруг тебя песок — и ничего больше. Самое страшное, когда ложишься спать, и в крошечной тишине слышен топот разных насекомых. Потом выяснилось, что у нас нет даже врача. Это было буквальное выживание. Но спустя некоторое время после возвращения я понял, что Сахара — удивительное место. Какое счастье, что оно не приспособлено для жизни. Ближайшие десятки лет его никто не будет трогать. И это фантастика. Достаточно просто выйти за рамки раздражения, почувствовать слияние и понять, что море песка — тоже чудо. Такие подарки редко получаешь от жизни.

Лидер, ставший анахоретом

— По натуре вы лидер. Можете вспомнить ситуации, когда вам это, скорее, мешало?

— Актерская профессия абсолютно анахоретская

(анахорет (греч.) — отшельник. — Ред.). Это профессия одиночества. Ты собран, сосредоточен на себе и поэтому не можешь отвлекаться. А лидерство — это отвлечение внимания. Когда в жизни есть дело, стоящее любого лидерства, ты лидер внутри себя. Что касается окружающих, то здесь я на сегодняшний день потребность быть лидером не испытываю. В школе я был заводилой. Приходил туда с магнитофоном, весь в каких-то значках. В старших классах я увлекался тяжелой музыкой. А вообще учился мало и в разных местах — из-за съемок. Аттестат за 8-й класс получал в Одессе. В местной школе пришлось писать сочинение на украинском языке. А когда я возвращался в свой класс, учителя сразу почему-то вешали на меня всех собак. Во всех шалостях, произошедших в классе за месяцы моего отсутствия, был виноват я.

О табаке и моторах

— На вашей самой первой картине в роли Гекльберри Финна вы тоже чувствовали себя анахоретом?

— Нет конечно! Мне было 9 лет. Куда там! Абсолютный бандит с большой дороги. Тогда все было подчинено жажде познания окружающего мира. Мой Гек Финн получился именно таким потому, что сам Влад Галкин тогда был таким и только таким. Сейчас, спустя 20 лет, смотришь на этого маленького, но очень взрослого парня и понимаешь, что это никакого отношения к тебе уже вообще не имеет. Такое ощущение, что это мелкое существо с выгоревшими во-

лосами, о чем-то серьезно рассуждающее, именно тогда и жило — сто лет назад.

— Ваш герой в фильме курит. Неужели по-настоящему?

— Там нет. Я, конечно, серьезно пыхал на экране, но в жизни начал курить позже — с 14 лет.

— А машину начали водить с 16...

— С 15. Сначала я ездил вообще без прав. Заработал денег на съемках и купил себе синюю «копейку». Потом в 16 лет полулегально получил юношеские права, в 18 — взрослые. И вот езжу до сих пор. Очень люблю это дело. Водить умею все. Даже взлетал и сажал самолет, поднимал вертолет в воздух. В «Дальнебойщиках» я все время сам за рулем, а вот Гостюхин — нет. Он водит машину от случая к случаю. Я за рулем отдыхаю, сутки могу за ним провести.

— Какие у вас машины?

— Ну, у меня их всего две осталось. (Смеется). В марте того года у меня угнали «Мицубиси», как раз перед съемками в фильме «По ту сторону волков». Никогда больше не куплю японскую машину. Очень люблю джипы. Сейчас у меня джип «Чероки». Практически все мои машины — тюнинг-овые, с навороченными турбированными двигателями, спортивные. Еще не смог удержаться, купил себе кабриолет — «Мерседес» со 129-м кузовом, очень красивый. С ним произошла смешная история. Еду летом в этом «Мерседесе» по Олимпийскому проспекту: белый кожаный салон, черная машина, крыша откинута, солнце светит... Я совсем не понтырящик, но тут

так хорошо себя чувствовал! И вдруг рядом со мной на светофоре остановился грузовик. Обычно я езжу довольно резко, а тут вел себя вальяжно. И пока я переключался на зеленый свет, эта сволочь справа газанула. Труба — как раз на уровне моего салона. Соответственно, вся эта дрянь — мне в лицо. Я хохотал, как потерпевший.

Небытовой уровень

— Вы можете сказать, что вам везло в жизни?

— Просто везения не бывает. Все закономерно. Чудо я видел только однажды — в церкви Храма Господня в Иерусалиме, когда огонь мистическим образом зажигается сам собой. Я — абсолютный реалист, хотя во мне уживаются и романтик, и сентиментальный человек. Мне сложно приклеить себе какой-то ярлык. Я очень разный. В каждый момент я такой, какой я сейчас.

— Можете вспомнить свой самый романтический момент в жизни?

— Конечно. Самое романтическое в моей жизни — это моя жена. С первого момента встречи с Дашей и по сегодняшний день.

— А разве это — не везение, не подарок судьбы?

— Нет. Речь ведь идет о двух взрослых людях, которые слишком хорошо понимают, что есть что. При этом мы абсолютно преданы друг другу. Недавно оба где-то снова услышали эту фразу: семейная лодка разбилась о быт. Переглянулись и поняли, что это не про нас. Что это вообще за понятие такое, быт? Не понимаю...

Беседовала Елена Павлова

В работе важно быть серьезным...

...в интервью — остроумным...

...в победе — расслабленным